

Рѣчь при гробѣ почившаго священника о. Константина Терлецкаго, сказанная 13 апрѣля, предъ пѣніемъ кондака: „Со святыми упокой“.

Дорогой отецъ Константинъ!

Стою предъ гробомъ твоимъ,—и глазамъ своимъ не вѣрю; созерцаю это церковное благолѣпіе, окружающее твой гробъ, слышу эти молитвенныя воздыханія, смотрю на слезы у этого гроба проливаемые, и думаю: ужели все это для тебя, ужели все это надъ тобой?... Но очевидность не оставляетъ сомнѣній...

По своему крайнему смиренію, ты, можетъ быть, сейчасъ въ самомъ началѣ моего слова, замкнулъ бы мнѣ уста, но позволь же теперь, когда твои уста сомкнуты, мнѣ отверсть свои; вѣдь не для того возжигаютъ свѣтильникъ, чтобы ставить его подъ спудомъ. Не могу молчать, хотя и не въ состояніи сейчасъ сказать о тебѣ все, что хотѣлъ бы и какъ бы хотѣлось.

Да, многое можно о тебѣ сказать! Но неостанетъ мнѣ времени повѣствовать о томъ, какъ бѣдная вдова съ дѣтьми наканунѣ голодной смерти пришла къ тебѣ съ мольбой: „батьюшка, спаси!“ и ты спасъ ее—она здѣсь, слезами своими она лучше расскажетъ о тебѣ Богу; о томъ, какъ бѣдное

дита, накануне превращенія въ босяки, спасается тобой отъ нравственной гибели: оно стоитъ здѣсь, вознося о тебѣ молитву; о томъ, какъ случайный богомолецъ, зайдя къ тебѣ въ церковь и поразившись твоимъ благолѣпнымъ служеніемъ, сказалъ: „нѣтъ, есть Богъ, есть еще истинные его служители“: о томъ, какъ невѣръ, готовый низринуться въ бездну отчаянія, обнажилъ предъ тобой на исповѣди свои душевные раны и, найдя въ тебѣ любящаго, опытнаго врача, возвращень тобой въ ограду церкви. . Я стою предъ гробомъ пастыря и самъ несу пастырское служеніе, и потому мысль моя оставливается на твоемъ пастырствѣ...

Въ чемъ же сущность твоего пастырства? Какой завѣтъ оставилъ вамъ, своимъ возлюбленнымъ чадамъ, отецъ вашъ духовный? То, чѣмъ онъ жилъ и что вамъ завѣщаль, онъ написалъ на сводахъ этого св. храма, какъ бы для постоянного вашего памятованія; смотрите: „Богъ любви есть и пребывай въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ“. ¹⁾ Любовь—вотъ чѣмъ онъ жилъ: любовь—вотъ что онъ намъ завѣщаль!

Любовь породила въ немъ все то, чѣмъ такъ дорогъ намъ всѣмъ о. Константинъ. Любовь къ Богу и людямъ, создала изъ него великаго молитвенника. Мы—пастыри, учителя молитвы, поражались его молитвой. Онъ не только молилъ, онъ, какъ выражается церковная молитва, „*милъ ся дъяль Богу*“. И это умиленіе было какимъ то чрезвычайнымъ, онъ какъ бы пластомъ повергался предъ престоломъ Божиимъ, чтобы вымолить у Господа все, что было нужно его духовнымъ чадамъ. Это была молитва вѣры, молитва дерзновенная, проникавшая небеса и растоплявшая каменные сердца!..

Говорить ли вамъ о его кротости, смиреніи, неизмѣнной благожелательности, привѣтливости, которыми такъ согрѣвалъ всѣхъ насъ дорогой о. Константинъ? Говорить ли о дѣлахъ его любви? Посмотрите вокругъ себя: этотъ величественный

¹⁾ Слова эти начертаны на аркѣ, отдѣляющей главный придѣлъ Феодоровской церкви отъ южнаго придѣла.

храмъ красотою своею обязанъ его любви къ церковному благолѣпію; выйдите изъ храма, оглянитесь кругомъ: школа, пріютъ,—все вокругъ свидѣтельствуесть о его живой дѣятельной любви. Но любовь его простиралась и далѣе. Тотъ приходъ, въ которомъ мнѣ Богъ судилъ пастырствовать, тотъ храмъ, въ которомъ Богъ благословилъ меня священнодѣйствовать, созданы имъ цѣною великихъ трудовъ. Не могу достаточно выразить, чѣмъ обязанъ ему я лично. Въ тѣ дни, когда святительскимъ руковожденіемъ въ душѣ зажженъ свѣтильникъ Божественнаго дарованія, какъ важно молодому пастырю имѣть около себя опытнаго руководителя! Пастыри поймутъ меня. Я почитаю за великое счастье, что Богъ послалъ мнѣ на первыхъ шагахъ моего пастырства такого опытнаго и любящаго руководителя, какимъ былъ о. Константинъ. Елей благодати горѣлъ въ немъ тихимъ, немерцающимъ свѣтомъ, и онъ научалъ меня ограждать его отъ вѣтровъ житейскихъ бурь. Не разъ открывалъ онъ мнѣ задушевные свои думы, и какими высокими, чистыми были его стремленія! Онъ былъ мнѣ не другомъ только; онъ былъ моимъ духовнымъ родителемъ, а я—его недостойнымъ сыномъ.

Чтобы сказать все объ его пастырствѣ, я долженъ указать еще одну черту,—неподкупность въ исполненіи своего пастырскаго долга. Бывали случаи, когда обычная кротость и благодушіе подъ вліяніемъ пастырской ревности, уступали мѣсто обличенію; не всѣмъ изъ васъ это, можетъ быть, извѣстно, но... „да не возглаголють уста моя дѣлъ человѣческихъ“.

Запечатлѣйте же эти черты дорогого вамъ образа! Отрите слезы всѣ вы, скорбящіе и сѣгующіе: не любилъ онъ „не имѣющихъ упованія“. Житейскимъ правиломъ его было: „всегда радуйтесь“. Вознесите молитву за вашего молитвенника: это—одно, что теперь необходимо.

Прости же, дорогой о. Константинъ! Прости, любящій пастырь нашъ! Прости, отецъ нашъ! „Не прости“, попра-

виль бы ты, а „до свиданья“. Да, если Господь сподобитъ быть намъ тамъ, гдѣ, вѣруемъ, водворится твоя чистая душа, то, до радостнаго свиданія!

А за всю любовь твою прими отъ насъ поклонъ до земли!

„Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего“!

Священникъ *Михаилъ Алабовскій*.
